

противникъ Христа, и сколько прельститъ онъ и еще, даже по смерти своей, въ своихъ сочиненіяхъ, которыя съ такой ужасающей быстротою распространяются и сѣются какой-то невидимою рукой, гдѣ-то добывающей огромныя средства для удешевленнаго распространенія ихъ!!! Показать, насколько возможно, въ этомъ краткомъ чтеніи, какой ужасный соблазнъ заключается подъ этой обманчивой личиной мнимо евангельскаго ученія Льва Толстого и составляетъ задачу этого чтенія.

Толстой былъ проповѣдникомъ моральнаго личнаго нравственнаго совершенствованія, воздержанія, личныхъ подвиговъ, служенія обществу, словомъ проповѣдникомъ добра, которымъ онъ примыкалъ къ евангелію Христову, но примыкалъ только внѣшнимъ, наружнымъ образомъ, такъ какъ добро, проповѣданное имъ, было добромъ безъ признанія Богочеловѣка Христа и Его духовно-благодатнаго Царства, открытаго Имъ въ основанной Имъ Церкви Его, о Которой Онъ сказалъ: созижду Церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ее (Мѣ. 16, 18). И посмотрите: какой безчисленный сонмъ святыхъ Божіихъ челоѣковъ дала намъ Церковь Христова. А что дало намъ толстовство въ ихъ пресловутыхъ колоніяхъ! Ничего, кромѣ вражды, распри и споровъ... Особсно сближаетъ Толстого съ грядущимъ антихристомъ его необыкновенная духовная гордость, черта характера, отмѣченная въ немъ приснопамятнымъ старцемъ Оптиной пустыни іеросхимонахомъ Амвросіемъ, къ которому Л. Н. Толстой не разъ обращался и въ письмахъ и въ личной бесѣдѣ за совѣтомъ и руководствомъ. «Необыкновенная духовная гордыня» препятствуетъ этому челоѣку быть членомъ церкви Христовой, вотъ что говорилъ покойный о. Амвросій на вопросы о своихъ бесѣдахъ съ Толстымъ. И дѣйствительно, ни въ евангеліи, ни въ другихъ сочиненіяхъ Толстого нѣтъ ни слова о смиреніи, о той добродѣтели, которую Спаситель ставитъ во главу, въ основу нравственнаго совершенствованія челоѣка-христіанина. Блаженни нищій духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное (Матѣ. V, 3). Кто не